

**СПЕЦИФИКА УЗУАЛЬНОЙ
И НЕУЗУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ
Н.Н. СТРАХОВА**

В данной статье представлены результаты очередного этапа исследования, посвященного анализу авторского метаязыкового пространства Н.Н. Страхова. Основная цель работы — охарактеризовать лексический компонент его литературно-критических статей. В основу разноаспектного анализа выделенных автором языковых средств, определяющих специфику организации литературно-критического текста, положены такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а для более полного отражения исследуемых явлений использованы описательный метод и количественный прием. Зафиксированные отвлеченные субстантивы, сложные слова и разнословные сложения позволяют считать их лексическими составляющими идиостиля Н.Н. Страхова. Использование подобного рода слов связано с основными задачами литературной критики.

Ключевые слова: лексический компонент, узуальная и неузальная лексика, литературная критика, Н.Н. Страхов.

Описывая наследие выдающихся деятелей русской философской мысли XIX века, исследователи никогда не обходят стороной Н.Н. Страхова (1828—1896) — известного русского философа, публициста, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Н.Н. Страхов широко известен и как литературный критик, без работ которого русская литература второй половины XIX века не может быть представлена и понята достаточно полно и глубоко.

В предисловии к своей книге «Мир как целое» (1872) Н.Н. Страхов отмечает: «Наш век хочет познавать, но упорно

отказывается мыслить, как будто боясь, что мышление разрушит начала, на которых он строит свою жизнь, и возложит на него слишком трудные задачи и обязанности» [Страхов 2007: 26].

Эту же идею Н.Н. Страхов продолжает развивать и в других работах: «Вообще у ученых и писателей господствует слишком оптимистический взгляд на умственную деятельность. Они уверены, что частная мысль сама найдет свое место в общей сфере, сама определит свои границы, свое отношение к другим мыслям. Между тем тысячи фактов доказывают нам противное. Как люди часто увлекаются и довольствуются словами, забывая об их смысле, так же точно они увлекаются и довольствуются отдельными мыслями, забывая об их связи, об их значении в общей сфере. Под красивыми и звучными словами может не быть искренности и логики; так точно и под ясными и определенными мыслями может не быть истины, не быть действительного понимания предмета» [Страхов 2000: 150]. Так, со временем Страхов-критик занимает позицию, позволившую ему находить «общий связующий взгляд», доходчиво, глубоко и ярко доносить его до других. Поэтому особое внимание он начинает уделять выбору языковых средств, с помощью которых ему удастся наиболее точно и последовательно реализовывать главное: «полезнее и правильнее искать в каждом суждении истинных его поводов, и следовательно, правдивой его стороны. <...> чтобы при надлежащем внимании, можно было дать <...> суждению совершенно здравое истолкование» [Страхов 2000: 370].

Ю. А. Бельчиков замечает, что критики в этот период, с одной стороны, активно стремятся использовать отвлеченно-книжную лексику, а с другой — хотят вырваться из рамок сухой книжности и сделать изложение живым и доступным [Бельчиков 1962]. Это нашло выражение и в литературно-критических статьях Н.Н. Страхова.

Анализ лексической составляющей идиостиля критика был проведен на материале статьи «Бедность нашей литературы» (1868), состоящей из семи разделов. Исследование лексической специфики позволило выявить многообразие абстрактной лекси-

ки. Так, к примеру, критик отдает предпочтение использованию субстантивов с суффиксами *-ость* (111 лексем и 278 словоупотреблений) и *-ниј(е)* (96 лексем и 305 словоупотреблений). Нередко в одной синтаксической конструкции автор использует несколько существительных с данным деривационным формантом, что приводит к усилению экспрессивного воздействия, например: *Скептицизм, недоверие, отсутствие **наивности**, **насмешливость**, бездеятельная, но умная **леность** — все эти черты русского характера находят здесь себе исход* [Страхов 1984: 80].

Необходимо отметить, что наряду с актуальными для того времени лексическими вариантами, критик использует и устаревшие формы имен существительных, если для них характерна явно выраженная абстрактная семантика. Так, в литературно-критических текстах Н.Н. Страхова сохраняются утрачиваемые языком словообразовательные варианты абстрактных субстантивов с данными словообразовательными формантами. Автор, например, активно используется не только слово *чувство*, но и производное слово *чувствование*: *Блестайте, гремите, изумляйте нас глубиною мыслей и теплотою **чувствований!*** [Страхов 1984: 60].

Второе место по частотности занимают абстрактные существительные с суффиксом *-изм*. Использование количественного приема позволило заключить, что в данной статье обнаруживается 14 лексем с данным формантом и 64 словоупотребления. По справедливому замечанию исследователей (В.В. Веселитского, Ю.С. Сорокина, Н.В. Леоновой), этот формант начал проявлять продуктивность уже в XVIII веке и применялся в основном для номинации новых понятий в области различных наук. Наряду с отвлеченными существительными на *-изм*, широко использовались однокоренные образования с суффиксом *-ист*. Многообразие слов с данным деривационным формантом позволяет выделить среди существительных две тематические группы.

К *первой группе* мы отнесли слова, обозначающие различные философские направления и их сторонников. Это такие слова, как *социализм, реализм* и им подобные.

Ко второй группе относятся слова с отвлеченным значением, связанные с различными мировоззренческими концепциями, а также слова, обозначающие носителей определенных взглядов и принципов: *нигилизм, нигилист, консерватизм, радикализм* и др.

Необходимо отметить, что в литературно-критических статьях автор не оставляет употребленные термины без внимания и толкования, он сопровождает их своими пояснениями и комментариями, например: *Если хотите, **нигилизм** имеет и свои художественные отражения, но по сущности дела в них мы находим одну чистую видимость, скрывающую отсутствие всякого искусства; ибо где нет жизни, там не может быть искусства* [Страхов 1984: 73]. В отдельных случаях, там, где это обусловлено определенными задачами, критик использует и особые изобразительно-выразительные средства: ***Нигилизм** часто причисляется к недоваренным обьедкам чужих мыслей; один наш знаменитый писатель видит в нем изношенный башмак Фурье, который мы с благоговением пронесли на своей голове* [Страхов 1984: 79].

В литературно-критических статьях Н.Н. Стрехова довольно часто употребляются префиксальные производные; в качестве префикса в таких словах чаще всего используются *не-, бес-/без-, со-*: *неправильность, неясность, безостановочность*. Контекст в таких случаях выявляет отвлеченное значение подобного рода слов: *Так, между прочим, **сочувствием** нигилизма пользуются английские мыслители за свой скептицизм и эмпиризм, хотя в других отношениях они бесконечно далеки от дерзостей нигилизма* [Страхов 1984: 79].

Языковой материал свидетельствует о том, что в текстах литературно-критических статей с определенной художественной целью используются антонимические пары, позволяющие автору противопоставить того или иного рода понятия и явления: *вера — неверие, состоятельность — несостоятельность* и др. Контекст позволяет определить функциональную предназначенность таких слов: *После стольких усилий, больше чем когда-нибудь мы сознаем, как мы далеки от Европы; более чем*

когда-нибудь мы чувствуем свое **бессилие** сравнительно с нею, **бессилие** и материальное, и нравственное, и умственное. Севастопольский погром открыл нам глаза в отношении к нашей внешней силе; но еще более грустные открытия сделаны нами потом в нашем умственном и нравственном настроении [Страхов 1984: 65].

В анализируемой нами литературно-критической статье Н.Н. Страхова отмечены сложные образования, обозначающие существенные для автора философские понятия. Как отмечают исследователи, среди композитов в XVIII—XIX веках преобладали словообразовательные кальки, созданные по моделям немецкого языка, что, по словам К. Флекенштейна, было вполне закономерно: «результаты работы над философским словарем через посредство журнального языка входили в общую систему литературной речи. В связи с этим в литературном обиходе укрепляются кальки с немецкого языка для выражения отвлеченных общественно-философских понятий» [Флекенштейн 1963: 47].

Многообразие сложных слов позволило провести систематизацию языкового материала. Среди композитов выделены слова с наиболее частотными первыми компонентами. К ним можно отнести следующие:

1. Слова с начальным компонентом *все-* (*всеобщий*).

Н.Н. Страхов использует слово *всеобщий* в значении ‘абсолютный’, например: *Все это — явные признаки слабости нашей литературы и некоторой уродливости нашего развития, по которой оно никогда не достигает полного и всеобщего влияния, не имеет силы внушить к себе уважение всем и каждому* [Страхов 1984: 75].

Активно используя компонент *все-* в составе сложных слов, автор расширяет его значение: (1) ‘распространяющийся на всех и на все’, а также (2) ‘свойство, характеризующееся исчерпывающей полнотой’. Ср.: *всецелый — всеразрешающий: С этого времени у нас постепенно развивались две партии, западническая и славянофильская; одна — требовавшая всецелого под-*

чинения Европе, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность; Собственно мы требовали от Европы полного нравственного мерила, полного **всеразрешающего** взгляда, совершенно твердого руководящего начала, а ничего подобного Европа нам дать не могла [Страхов 1984: 73, 78].

2. Слова с начальным компонентом много-: многочисленный, многоопытный, многолюдство, многовековая, многозначительность, многосложность, многообразный, многоразличные: В наш **многоумный** век непонимание великого часто также идет за признак ума; между тем, в сущности, не составляет ли это непонимание самого разительного доказательства умственной слабости? [Страхов 1984: 82].

3. Слова с начальным компонентом мир-, например: В этом ощущении дисгармонии выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и северной природой нашего поэта, и, может быть, другая, еще более глубокая разница — между **миросозерцанием** Запада вообще и Средних веков в особенности и **миросозерцанием** нашего времени и нашего русского духовного строя [Страхов 1984: 91].

4. Слова с начальным компонентом само-, например: Нет сомнения, важную роль играет здесь та постоянная потребность **самоосуждения, самообличения** и даже **самооплевания**, которая составляет одну из черт русского характера. **Самодовольство** и **самовосхваление** для нас нестерпимы; напротив, для нас составляет приятное препровождение времени всячески казнить самих себя, не давать себе ни в чем пощады, прилагать к себе самые высокие требования [Страхов 1984: 45].

В последнем примере представлено авторское лексическое новообразование **самооплевание**. Очевидно, его создание по аналогии с употребленными в этом контексте узуальными словами позволяет критику наиболее ярко выразить свое отношение к анализируемой проблеме и привлечь к ней особое внимание читателя.

Как показал проведенный анализ, для Н.Н. Стрехова не характерно активное создание индивидуально-авторских слов,

однако единичные примеры неузальной лексики отмечаются: *Слабость нашего духовного развития, неясность, **неформулированность** его глубоких основ внушают смелость отрицать эти основы, отвергать их состоятельность в силу тех требований и задач, с которыми мы, по-видимому, имеем полное право приступать к ним* [Страхов 1984: 80]. Созданное критиком префиксально-суффиксальное слово *неформулированность* вполне гармонично входит в описание общей проблемы, которая анализируется в данной литературно-критической статье, — бедность литературы, бедность духовного развития общества.

5. Слова с начальным компонентом *обще-*: *общепринятый, общечеловеческий, общепонятный, общедоступный* и др. Многообразие подобного рода слов, на наш взгляд, определяется тем, что критик говорит не о частных, а об общих проблемах, которые волнуют каждого члена социума: *Бедная литература! Бедная критика! Ни одного твердо сложившегося мнения, ни одного **общепризнанного авторитета!*** [Страхов 1984: 48].

6. Слова, образованные способом разнословного сложения, в состав которого входят наречие и базовое прилагательное, с дефисным написанием. Как особенность отметим, что большинство таких слов созданы самим критиком, который объединяет в сложную номинацию узуальные слова для выражения необычного и емкого смысла, например: *В величайшем нашем писателе сказалась вдруг потребность какого-то отрезвления, и с тех пор она царит в нашей литературе. Из нее нужно объяснять явления этой литературы. Из нее объясняется **прозаически-ноющий** стих Некрасова, напряженный анализ гр. Л. Толстого, симпатия к слабым натурам Ф. Достоевского, постоянная несостоятельность героев Тургенева, обнаженный реализм Писемского; из нее же следует объяснять поэтическое воспроизведение известного быта в драмах Островского* [Страхов 1984: 57].

Таким образом, можно сделать вывод, что литературно-критическая статья как синтез научности, публицистичности

и художественности отличается своей языковой спецификой, что обуславливает выбор особых языковых средств. Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что активное использование автором тех или иных слов обусловлено теми идейно-мировоззренческими позициями, на которых стоял автор, а также теми сложными философскими и литературоведческими проблемами, которые он ставил и пытался решить в своих литературно-критических работах. Тщательный отбор единственно необходимого слова, отточенность мысли и фразы, умелое использование изобразительно-выразительных средств позволили Н.Н. Страхову наиболее полно и глубоко отразить в своем литературно-критическом наследии самые значительные культурные явления эпохи, полемизировать с представителями различных течений русской и европейской мысли, донести до читателя всю силу собственных переживаний о судьбе русской литературы.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А. Анализ языка и стиля публицистических произведений. М.: МГУ, 1962. 21 с.
2. Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
3. Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 459 с.
4. Страхов Н.Н. Мир как целое. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
5. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 260 с.

© *A.A. Okuneva*

SPECIFICITY OF THE USUAL AND NON-USUAL LEXIS IN N.N. STRAKHOV'S LITERARY CRITICISM

This article presents the results of the next stage of research devoted to the analysis of the N.N. Strakhov's author metalanguage space. The goal is

to characterize the lexical component of his literary criticism. The result of a multi-aspect analysis of the language tools determining the specifics of the text organization was the use of general scientific methods such as analysis and synthesis, and a quantitative technique and descriptive methods were used for a more complete reflection of the phenomena. The numerous abstract substances, compound words and multi-word additions allow us to consider them as one of the dominants of N.N. Strakhov's idiosyle. The use of such words is related to the main tasks of literary criticism.

Keywords: lexical component, usual and non-usual lexis, literary criticism, N.N. Strakhov.